

Николай Котляр

Наступление удельной раздробленности на Руси (князья-изгои)

Историки недавнего времени, казалось бы, всесторонне обрисовали побудительные причины и динамику наступления удельной раздробленности. Но, как мне кажется, они рассматривали преимущественно экономические (социально-экономические) факторы изменения государственной структуры Руси. Недооценивались процессы и явления политической (социально-политической) жизни древнерусского общества. Между тем, существовали причины политического порядка, серьезно повлиявшие на наступление и нарастание раздробленности. Одна из них, как мне видится, состояла в появлении и сепаратистской деятельности князей-изгоев. Для того, чтобы оценить роль этого фактора, разобраться в феномене изгоев целесообразно вернуться более, чем на полстолетия назад, в 60-е годы XI в.

Скептически относясь к мнению о решающей роли землевладельцев-бояр в раскручивании механизма раздробленности, вижу одну из основных причин ее наступления именно в деятельности многих князей-Рюриковичей. В источниках отсутствуют сведения о порядке передачи земли и прочего имущества в семьях бояр-землевладельцев. Но естественнее всего думать, что они унаследовали свои земли исключительно по отчинному праву, от отца к сыну, тогда как князья долгое время вынуждены были довольствоваться родовым правом «лествичного восхождения», когда земли и прочее добро передавались от старшего брата к следующему по времени рождения. Младшее же княжеское поколение (сыновья, племянники и др.) не участвовало в этом процессе, многие чувствовали себя обделенными и протестовали против такого порядка, часто берясь за оружие и отстаивая выгодное им «отчинное» право.

Таких безземельных (потерявших волость или вовсе не имевших ее) князей историки называли изгоями. Изгои вообще упоминаются в историко-правовых источниках с начала XI в. как свободные или феодально зависимые люди. В *Правде Русской* и *Краткой*, и *Пространной* в первой статье, где речь идет о каре за убийство, изгой перечисляется в ряду свободных людей:

аче будет княжь мужь или тиуна княжа; аче ли будет русинь, любо гридь, любо купець, любо тиунь боярескъ, любо мечникъ, любо изгой, любо словѣннъ, то 40 гривен положити за нь¹.

По наблюдениям Б.Д. Грекова, осиротевший князь (т.е. изгой) упоминается в древнем «Уставе великого князя Всеволода»². Но и он не уделил князьям-изгоям особого внимания. И в наше время об изгоях, тем более о князьях-изгоях, писали очень мало. Можно вспомнить разве что недавно вышедшую в Оренбурге статью А.Н. Полякова, частично обобщившую работы предшественников³.

Обычно историки обращаются к «Курсу русской истории» В.О. Ключевского, в котором ученый поместил краткую справку о князьях-изгоях. Он писал о том, что такие князья появлялись, если нарушался естественный порядок вещей:

когда у князя отец умирал раньше деда, у внука не оставалось в передовой цепи отцовского места, ибо в ней не стоял его отец. Он становился князем-сиротой, изгоем, бездольным вечным внуком, генеалогическим недорослем. Не имея генеалогической отчины, он лишался права и на территориальную, т.е. терял участие в очередном владельческом порядке как не попавший в очередь⁴.

Правовое регулирование владельческих земельных отношений на Руси среди Рюриковичей долгое время отсутствовало. Надежды обзавестись волостями среди младшего поколения князей были порождены «рядом» (завещанием) Ярослава Владимировича 1054 г., в котором был провозглашен давний порядок замещения столов, от старшего брата к следующему по возрасту. Но младшее поколение князей в ряде не было даже упомянуто. Это, надо думать, и подтолкнуло их к решительным действиям.

О наиболее многочисленных князьях-изгоях Святославичах рассказывает *Повесть временных лет*. Кончина Святослава (бывшего киевским государем с 1073 г.) в конце декабря 1076 г. превратила его девятерых (!) сыновей из могущественных наследников киевского стола в бесправных изгоев, поскольку источники не дают оснований думать, будто хоть кто-нибудь из них получил от Изяслава или Всеволода даже незначительные волости. Особенно остро переживал свое общественное падение второй по времени рождения Святославич — Олег. Он одним из первых среди поколения изгоев конца 70-х годов XI в. и взялся за оружие, при этом поднялся не против равных себе, а против самого великого князя киевского. Примерно так же появились на свет другие

1 Зимин А.А. *Правда Русская*. М., 1999, 358, 367 (текст источника).

2 Владимирский-Буданов М.Ф. *Хрестоматия по истории русского права*. Вып. 1. К., 1876, 245. (См.: Греков Б.Д. *Киевская Русь*. М., 1953, 248).

3 Поляков А.Н. К вопросу об изгоях в Древней Руси. *Вестник Оренбургского университета*. 2006. Ч.1.

4 Ключевский В.О. *Сочинения в девяти томах*. Т.1. *Курс русской истории*. Ч.1. М., 1987, 194.

изгои. Стоит упомянуть первого из них по времени упоминания в летописи (в 60-х годах XI в.) — Ростислава, отпрыска старшего сына Ярослава Мудрого Владимира, после смерти отца выпавшего из числа получивших волости.

Недостаточное внимание историков прошлого и настоящего к изгоям выглядит тем более досадным ввиду той большой роли, которую они помимо воли сыграли в наступлении разделения Руси на уделы. По мнению М.Н. Тихомирова, Б.А. Рыбакова, Л.В. Черепнина, В.Т. Пашуто и др. раздробленность была следствием возникновения и развития феодальных отношений в древнерусском обществе. Она вызревала в недрах общества не одно десятилетие благодаря социально-экономическому прогрессу на всей территории государства, в землях и княжествах⁵. Эта концепция преобладает в сочинениях русских и украинских ученых.

Следовательно, в наиболее важных исследованиях причин возникновения удельной раздробленности, ее нарастания и воздействия на древнерусскую жизнь основное внимание уделялось общественно-экономическим факторам. Но в ее появлении немалую роль сыграла политическая (социально-политическая) составляющая: деятельность князей различных статусов и могущества, главное же, на мой взгляд, — борьба изгоев за наследие отцов, за отчины. Среди многочисленных подобных деяний князей-изгоев второй половины XI в. стоит остановиться на соперничестве с киевским государем одного из старших сыновей Святослава Ярославича — Олега.

Еще за год до выдвижения Олега Святославича на политическую сцену Руси попытался вернуть себе отцовскую волость сын одного из младших Ярославичей Вячеслава Борис. Весной 1077 г., воспользовавшись отсутствием Всеволода Ярославича, занимавшего киевский стол после смерти Святослава, он дерзким изъездом внезапно захватил Чернигов. Но смог удержаться в городе лишь 8 дней (с 4 по 12 мая) и бежал в Тмуторокань, где сидел другой изгой, старший сын Святослава Ярославича Роман⁶. Это стало началом широкомасштабной борьбы князей-изгоев против Всеволода Ярославича, развернувшейся в следующем, 1078 г.

Олег Святославич и Борис Вячеславич объединились, наняли половецкую орду и двинулись на Чернигов, разбив дружину сидевшего там Всеволода. Тот попросил помощи у старшего брата Изяслава, вернувшегося незадолго перед тем на киевский стол из эмиграции. 3 октября 1078 г. Изяслав и Всеволод Ярославичи совместными усилиями разгромили изгоев в кровопролитной битве на Нежатиной Ниве (вблизи Чернигова). Во время сражения погибли

5 См.: Рыбаков Б.А. *Первые века русской истории*. М., 1964, 145–157; Пашуто В.Т. Черты политического строя Древней Руси. *Древнерусское государство и его международное значение*. М., 1965; Черепнин Л.В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X — начала XIII вв. *Исторические записки*. 1972. № 89.

6 *ПВЛ*, 85.

Изяслав и Борис, Олег с остатками дружины бежал в Тмуторокань, а Всеволод сел на киевском столе⁷.

И в дальнейшие годы киевского княжения Всеволода изгои продолжали отстаивать свои отчины. Вновь наиболее активным оказался Олег Святославич. Вероятно, по велению Всеволода в 1079 г. «Олга емше козаре и поточиша за море Цесарюграду»⁸. Вплоть до кончины Всеволода Ярославича (1093 г.) Олег и прочие изгои не осмеливались воевать с киевским государем и его сыном, отважным полководцем Владимиром Мономахом. Положение изменилось после смерти Всеволода.

Отчинный порядок престолонаследия подрывал саму идею и практику единовластной монархии и вел к ее структурному ослаблению. Б.Д. Греков считал наивным летописное объяснение неспособности Всеволода Ярославича удерживать в повиновении изгоев его немощью и старостью. Историк писал, что тогда уже наступили «новые времена» и присоединился ко мнению С.М. Соловьева, что при Всеволоде началась борьба за создание обособленных от Киева «вотчин-княжений»⁹.

Вопреки распространенному мнению о решающей роли землевладельцев-бояр в раскручивании механизма раздробленности, вижу одну из основных причин ее наступления именно в деятельности князей-Рюриковичей, прежде всего изгоев. В источниках отсутствуют сведения о порядке передачи земли и прочего имущества в семьях бояр-землевладельцев. Но естественнее всего думать, что они наследовали свои земли исключительно по отчинному праву, от отца к сыну, тогда как князья долгое время вынуждены были довольствоваться родовым правом «лествичного восхождения», когда волости и прочее добро передавались от старшего брата к следующему по времени рождения. Младшее же княжеское поколение (сыновья, племянники и др.) не участвовало в этом процессе, поэтому многие чувствовали себя обделенными и протестовали против такого порядка, часто берясь за оружие. Думается, прав был А.Е. Пресняков, утверждая, что изгои расшатывали устои государства¹⁰.

Когда 13 апреля 1093 г. в Киеве скончался Всеволод Ярославич, его сын Владимир Мономах неожиданно для всех отказался от престола и пригласил княжить своего старшего двоюродного брата Святополка Изяславича, сидевшего в захолустном Турове на окраине Киевской земли. Тем самым он отдал дань древнему и традиционному порядку родового старейшинства, о чем поведала Несторова летопись¹¹. А сам отправился княжить в полученный еще при жизни отца Чернигов.

---

7 ПВЛ, 85–86.

8 ПВЛ, 85–86.

9 Греков Б.Д. *Киевская Русь*. М., 1953, 499.

10 Пресняков А.Е. *Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории*. М., 1993, 35–41, 48.

11 ПВЛ, 92.

Это подтолкнуло к решительным действиям Олега Святославича, не осмеливавшегося требовать отеческой волости при жизни Всеволода и его соправителя Мономаха, но не побоявшегося Святополка Изяславича, не обладавшего государственными и военными талантами. Наняв громадную половецкую орду, Олег Святославич в следующем, 1094 г., вынудил Владимира Всеволодича отдать ему Чернигов. Так вооруженным путем было реализовано отчинное право черниговского князя. Но ненадолго.

Весной 1093 г. по инициативе неуютно сидевшего на киевском столе Святополка Изяславича тот вступил в союз-дуумвират с Владимиром Мономахом. Этого требовали усилившийся натиск Половецкой степи и действия Олега Святославича и прочих изгоев. К тому же Олег и его братья систематически и постоянно вовлекали половецких ханов в межкняжеское соперничество на Руси. Свою непримиримость к черниговскому князю, недавнему изгою, Владимир Всеволодич объяснит более, чем через двадцать лет после того, в своем *Поучении*: «Зане ся баше [Олег] приложил к половецм»¹².

Решительный отказ Олега пойти вместе с дуумвирами против ханов в 1096 г., его постоянное уклонение от борьбы с этими страшными врагами Руси привели к тому, что вскоре он был лишен Святополком и Владимиром отчего Чернигова и получил взамен, вероятно, провинциальный Курск в Новгород-Северском удельном княжестве¹³. А на княжеском съезде в Витичеве 1100 г. у другого изгоя Давида Игоревича отняли стольный град Владимир Волынский, дав ему взамен несколько небольших городков¹⁴. Так мягко был он наказан за варварское ослепление другого изгоя Василька Ростиславича и намерение отнять у того Теробовльское княжество.

Эти оба наиболее активных князя успокоились вследствие решительных мер, предпринятых Святополком и Мономахом, в том числе и серии победоносных походов на половецкого врага. Олег тихо прожил еще почти двадцать лет (умер в 1115 г.), а Давид — двенадцать (умер в 1112 г.). Но свое разрушительное дело они сделали, подорвав единство государства. Их деятельность всецело способствовала дроблению страны.

В течение первого сорокалетия XII в. изгои обзавелись волостями и перестали быть безземельными. Другое дело, что почти все они были недовольны имевшимися у них землями и претендовали на лучшие. А решения Любечского съезда 1097 г. в сущности стерли разницу между изгоями и прочими князьями, признав легитимность их владений¹⁵. Посему почти все изгои успокоились, за исключением сына Святополка Изяславича Ярослава (погиб в 1123 г.), которого можно назвать последним изгоем.

---

12 ПВЛ, 103.

13 Котляр Н.Ф. *Древнерусская государственность*. СПб., 1998, 246–259.

14 ПВЛ, 116.

15 ПВЛ, 110.

Почти все процессы и явления, происходившие в Древнерусском государстве в 20-х — 30-х годах XII в., скрыты под спудом летописного текста. У летописцев было свое понимание того, о каких событиях и персонажах нужно писать, а о каких — нет. Они вовсе не собирались учитывать читателей грядущих поколений. Между тем, в то время протекали важнейшие процессы и события политической жизни страны. Главнейшие среди них — образование и упрочение княжеских кланов, сыгравших определяющую роль в межкняжеских отношениях.

В начале XII в. в западном регионе Южной Руси укрепились недавние изгои, галицкие Ростиславичи Володарь и Василько, с оружием в руках отстоявшие свои волости от Святополка и Мономаха. В течение первой трети столетия Ольговичи с Давидовичами постепенно овладели громадной Чернигово-Северской землей, и это укрепило их экономически, социально и политически, позволив конкурировать с ранее недостижимыми для них Мономашичами. А среди самих Мономашичей после смерти Мстислава Владимировича (1132 г.) постоянно возникали противоречия и несогласия. Младшее их поколение составило земельные кланы, оформившиеся к середине 1140-х годов (Мстиславичи и Ростиславичи). Раздоры среди Мономашичей впоследствии позволили потеснить их черниговским Ольговичам и Давидовичам¹⁶.

Подтверждение этим конспективно изложенным мыслям дает богатый летописный материал. Обратимся к могущественному и разветвленному клану чернигово-северских Ольговичей. Если прочие земельные кланы появляются на страницах летописей в 40-х годах XII в., то Ольговичи — полувеком раньше. Этот феномен социально-политического бытия Древнерусского государства нуждается в серьезном изучении и объяснении.

В 1116 г. киевский государь Владимир Всеволодич решил укротить непокорного князя Глеба, затворившегося в Смоленске, и «поиде к Смоленську, съ сынъми своими, и с Давыдомъ Святославичемъ, и Олговичи»¹⁷. Важно отметить, что другой чернигово-северский клан Давидовичей был тогда еще далек от складывания. Тогда Ольговичи беспрекословно повиновались самовластному киевскому государю. А через двенадцать лет глава Ольговичей Всеволод напал на своего дядю Ярослава и по обыкновению позвал на помощь половцев, но во время не заплатил им, и «половци же не вземше вести отъ Олговичь бѣжаша усвосяи»¹⁸.

В конце 20-х — начале 30-х годов XII в. Ольговичи пребывают во власти тяжелого на руку киевского суверена Мстислава, старшего сына Владимира Мономаха. В 1132 г. «ходи Мъстиславъ на Литву, съ сынъми своими, и с Олговичи, и съ Всеволодомъ Городеньскимъ»¹⁹. Но в киевское княжение

16 Котляр Н.Ф. *Дипломатия Южной Руси. Ч.3. Междукняжеская дипломатия*. СПб., 2003, 158 и сл.

17 *Летопись по Ипатскому списку*. СПб., 1871, 203.

18 *Летопись по Ипатскому списку*, 209

19 *Летопись по Ипатскому списку*, 212.

слабого брата Мстислава Ярополка Ольговичи уже осмеливаются «каторовать» с ним.

Особенно выразительна, на мой взгляд, запись *Киевского летописного свода* 1136 г. о сражении между Ярополком с братьями (кланом Мономашичей) и Всеволодом во главе Ольговичей: в ее ходе половцы «Олговѣ» побежали, за ними погналась «Володимерича [Ярополка] «дружи́на лутшая», «а князья их Володимеричи²⁰ бяхуся со Олговичи»²¹. А далее «Олговичи с половцы переидоша Днѣпръ ... и почаша воевати отъ Трьполя». В результате компромисса с киевским государем «вда Ярополкъ Олговичемъ отчину свою, чего и хотели»²². В процитированном последнем тексте речь идет несомненно о предоставлении Ольговичам «части» в южной Русской земле, земельного владения в великокняжеском домене.

И на следующих страницах *Киевского свода* клановое определение Ольговичи встречается чаще, чем перечисление имен князей, принадлежавших к этому клану. Вначале Ольговичами в источниках назывались сыновья Олега Святославича: Всеволод, Игорь и Святослав, а затем сыновья Всеволода Ольговича Глеб, Святослав и Ярослав, сыновья Святослава Ольговича Всеволод, Игорь и Олег; сыновья Глеба Ольговича Игорь, Олег, Изяслав и Ростислав, сыновья следующего князя поколения Олега Святославича Давид и Святослав.

В конце 30-х — 40-е годы XII в. Ольговичи вступили в соперничество с другими княжескими кланами вокруг обладания Киевом, южной Русской землей и общерусской властью. Постепенно набирали силу прочие кланы, прежде всего отпочковавшиеся от Мономашичей-Владимировичей Мстиславичи и Ростиславичи. Киевская летопись содержит множество примеров солидарных действий членов этих кланов, хотя упоминания об Ольговичах намного преобладают над известиями о деятельности названных кланов. Приведу лишь несколько характерных известий о потомстве Олега Святославича-«Гориславича»²³ в этом источнике 1140-х — начала 1150-х лет.

В 1144 г. Всеволод Ольгович затеял поход на Володимирка Володаревича галицкого. Недавний изгой, член клана галицких Ростиславичей Володимирко ослушался своего киевского сюзерена, которого он таковым, по-видимому, не считал. Запись киевского летописца свидетельствует, что клановый термин «Ольговичи» к тому времени прочно вошел в общественное сознание: «Ходиша Олговичи на Володимирька, Всеволодь съ братома, съ Игоремъ, Святославомъ, Давыдовиць Володимирь...»²⁴, глава складывавшегося тогда клана Давидо-

20 Первичное название многочисленного клана Мономашичей.

21 *Летопись по Ипатскому списку*, 214.

22 *Летопись по Ипатскому списку*, 215.

23 Названного так в *Слове о полку Игореве* за разжигание усовиц и наведение половцев на родную землю.

24 *Летопись по Ипатскому списку*, 225.

вичей, но не упомянутый в этом качестве. Согласно моим наблюдениям над летописью, до 1144 г. никакой другой клан (кроме обширного рода Володимировичей, не имевших тогда клановой окраски) не выступает столь часто на страницах *Киевского* и других летописных сводов.

Киевский летописец, отражавший мнения Мономашичей и новых кланов Мстиславичей и Ростиславичей, в рассказе о событиях 40-х годов XII в., решительно встает на их сторону в конфликте с Ольговичами. Уже при описании первого прихода Мстислава Изяславича в Киев в 1146 г. он пишет о словах киевских вечников, обращенных к нему: «Ты наш князь, поѣди [к нам], Ольговичевъ не хотимъ быти, акы в задничи»²⁵. Точно так же в следующем году, когда Изяслав Мстиславич зовет киевлян в поход против Юрия Долгорукого, они отвечают ему, что не могут поднять руку на «Володимере племя, ... на Гюрья», а на Ольговичей охотно пойдут.

В кровавой гражданской войне 1146–1151 гг. между Изяславом и Юрием, в которую были втянуты почти все остальные Рюриковичи, Ольговичи, как и раньше, выступают единым кланом, под общим этим родовым именем²⁶.

Вплоть до начала XIII в. Ольговичи действуют в летописи совместно, под этим клановым наименованием. С 1181 по 1194 г. их глава Святослав Всеволодич совместно с главой Ростиславичей Рюриком управлял южной Русской землей. Но после смерти Святослава Ростиславичи и Мономашичи («Володимеричи») потребовали от Ольговичей «не искати отцины нашея, Києва и Смоленска, подъ нами, и подъ нашими дѣтми, и подо всимъ нашимъ Володимеримъ племенемъ», на что Ольговичи отвечали, что Киев является и их отчиной и они не собираются от него отказываться. Вмешательство владимиристо-суздальского государя Всеволода Большое Гнездо вынудило их искать компромисс: «Олговичи же убоявьшеся» и послали к Рюрику послов с предложением воздержаться от военных действий²⁷. Характерная запись помещена в *Киевском своде* под 1196 г.:

Того же лѣта во Олговичехъ преставися князь Всеволодъ Святославичъ, ... и тако спряташа тѣло его вся братья во Олговичехъ племени²⁸.

Как известно, *Киевский свод* в дошедшем до нас виде завершается на последних годах XII в. Отдельные известия об Ольговичах содержатся в *Воскресенском своде* за XIII в., который, по мнению многих знатоков летописания, отразил не сохранившуюся *Киевскую летопись* первого сорокалетия XIII в. По-прежнему в первые годы этого столетия они выступают единым кланом, о чем свидетельствуют статьи 1202–1207 гг. В 1202 г. Роман Мстиславич входит

25 т.е. в наследстве (*Летопись по Ипатскому списку*, 230).

26 *Летопись по Ипатскому списку*, 251, 253, 265, 278 и др.

27 *Летопись по Ипатскому списку*, 462–463.

28 *Летопись по Ипатскому списку*, 467.

в Киев и «посла на Гору²⁹ к Рюрикови и ко Олговичемь, ... и пусти Рюрика [Ростиславича] во Вручий³⁰, а Олговичи за Днѣпрь»³¹.

В 1205 г. Роман Мстиславич, князь галицко-волынский, погиб в Польше. «Слышавше же се Олговичи и идоша къ Киеву»³², поскольку раньше они не решались напасть на Киев, находившийся под властью Романа. В следующем году они пытаются захватить Галич, оставшийся без князя после кончины Романа Мстиславича, но безуспешно: «Король же омиривъ Ляхы³³ и поиде за горы, а Олговичи поидоша назадъ»³⁴. Последнее упоминание об Ольговичах в *Воскресенской летописи* относится к 1207 г. Они тогда по обыкновению навели половецкую орду на Русь. «Слышавъ же великий князь Всеволодъ Юрьевичъ, внукъ Володимера Маномаха, яко Олговичи воюють землю Русскую съ погаными, и сжалися о томъ...»³⁵.

Так выглядит участие князей-изгоев и рожденного одним из них клана Ольговичей в политической жизни Руси XI–XII вв.

Інститут історії України НАН України

---

29 Верхняя часть города, где располагались княжеские дворцы и многие храмы.

30 Овруч, родовое гнездо Ростиславичей.

31 *Летопись по Воскресенскому списку*. СПб., 1856, 107.

32 *Летопись по Воскресенскому списку*, 112.

33 Краковский князь Лешек также стремился наложить руку на Галич.

34 *Летопись по Воскресенскому списку*, 113.

35 *Летопись по Воскресенскому списку*, 114.